

ВВЕДЕНИЕ В ТУФТОЛОГИЮ

Т Р А К Т А Т

А.А. Штуден

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

Ироничная по форме статья на самом деле вполне всерьёз анализирует трагическую ситуацию, в которой может оказаться социум, где творческая деятельность и связанные с ней ценности уступают массовой практике имитации любого общественно важного дела. Конкретный предмет анализа – российский социум советского и постсоветского времени.

Ключевые слова: туфта, туфтоделние, туфтоид, туфтодел, туфтоизация, имитация, мнимость, антропологическая катастрофа.

В русском языке слово «туфта» считается сленговым. В серьёзных исследованиях его употреблять не принято. Тем не менее это слово – ёмкое, меткое, выразительное – вполне можно ввести в научный оборот, если придать ему точный терминологический смысл. Условимся, что *туфта*, в том значении, в каком мы это слово здесь намерены употребить, есть заведомо ложная информация о якобы выполненной (выполняемой в настоящий момент... выполнимой в будущем...) общественно полезной работе. Условимся также не путать ложную информацию этого вида с дезинформацией («дезой»), используемой как законное оружие в борьбе со смертельным врагом, и считающейся, в арсенале спецслужб, вполне приемлемой тактической уловкой. Туфта адресована отнюдь не врагу, а тому конкретному лицу (группе лиц), от которого зависит получение конкретных социальных благ, в чём и состоит единственный её смысл. Столь ограниченный (на первый взгляд, пустяковый) смысл туфты вовсе не означает, что она и сама по себе является пустяком – наоборот, она является одним из важнейших факторов нашей повседневной

жизни. Этим и определяется важность выбранной здесь темы исследования.

Производные термины, которыми мы здесь будем пользоваться:

– *туфтодел*, *туфтодатель* – источник ложной информации;

– *туфтоприёмник* – инстанция, с готовностью воспринимающая ложную информацию;

– *туфтоделние* – изготовление туфты;

– *туфтоид* – человек, сознание которого пронизано ложной информацией так всесторонне и так глубоко, что таковая воспринимается уже как вполне обыденная, достоверная и притом единственная реальность.

* * *

Туфта, во всех странах и во все времена, подразумевает достижение социальной выгоды в той или иной её форме. Цель туфтодателя – сформировать сугубо положительное мнение о своей деятельности у широкой общественности (если это необходимо) и у начальства (как правило). Шкурный интерес, несомненно, здесь превалирует, но бывает и так, что производство туфты есть вынужденный акт, инспи-

рированный невыполнимыми приказами того же начальства. К примеру, если бы заведующие кафедрами вузов тщательно выполняли все требования по присылке официальных отчётов, спускаемые сверху, им невозможно было бы выполнять никакую другую работу. Здесь туфта заложена в самой практике отчётности. Но мы не будем рассматривать подобные случаи *вынужденного* туфтопроизводства, ибо они ничего не говорят о настоящей природе феномена; наоборот, мы обратимся к гораздо более многочисленным случаям инициативного, добровольного, возведённого в ранг святого долга туфтотворения.

Являются ли туфтоделы компанией ловких и умных махинаторов?

Как правило, это совершенно обычные, вполне заурядные и даже в чём-то скучные люди. Поставщик туфты не должен быть талантливым. Талант в этом деле только мешает – он побуждает к творчеству, а творчество абсолютно противопоказано туфтопроизводству. Следует, правда, заметить, что туфта, способная имитировать всё что угодно, может имитировать даже талант – но лишь в меру социальной необходимости. Имитация этого рода не выгодна туфтодателю; он на неё идёт из чистого тщеславия, рискуя в любой момент оказаться на положении голого короля из сказки Андерсена. Тщеславие есть роковой соблазн туфтодела, стоивший карьеры и даже самой жизни очень многим. Настоящий профи в области туфты руководствуется золотым правилом: туфтоделание и скромность – две вещи, необходимо дополняющие друг друга. Для хвастунов и наглецов туфта – слишком опасное занятие.

Туфта, как правило, эксплуатирует человеческую слабость к *привычному*. Туфтоприёмник не любит новаторства, ведь оно

связано с риском... Пыль, пускаемая в глаза, должна быть обыденной, безопасной, мягкой дорожной пылью. Поэтому не следует думать, что туфта есть некий изопрёрнный обман; обычно это – довольно грубая подделка под действительность. Тем не менее все, на кого она рассчитана (начальство, общественность), принимают её, как правило, за чистую монету. Почему? Дело в том, что туфта выгодна не только туфтоделу, она нужна также и туфтоприёмнику. Туфта, во-первых, делает благополучными все отчёты, рапорты, статистику... Тем самым она отвечает лучшим ожиданиям и общества, и начальства. Во-вторых, туфта – великий психотерапевт. Она всегда светла, всегда радостна. Она оптимистична.

Не забудем, что туфта рассчитана на *эффект восприятия*, т.е. это изначально – искусство иллюзии.

Туфта обладает своего рода социальным гипнозом. «Чувство глубокого удовлетворения», ставшее газетным штампом в Советской России, существовало на самом деле. Вопреки убогой очевидности, вопреки очередям, цензуре, репрессиям – оно ласкало человеческие души благодаря одной только туфте! Никита Хрущёв, пообещавший в начале 1960-х, что «нынешнее поколение будет жить при коммунизме», моментально улучшил настроение большинства россиян, даже тех, кто до колик в животе потешался над этим его заявлением. Туфта – всегда праздник для тех, кто согласен в неё поверить. Создатели постперестроечных финансовых «пирамид», пообещавшие нереально высокие проценты своим клиентам, прекрасно знали об этом. Они успешно делали своё воровское дело именно благодаря тому, что на какое-то время им удалось поселить прямо-таки безоблачную эйфорию в сердца доверчивых вкладчиков.

Вот почему в России – и при царях, и в советское время – начальство с такой охотой принимало дутые цифры в отчётах своих подчинённых: оно этими цифрами радовало ещё более высокое начальство, которое рапортовало в том же духе ещё более высокому, и так до самой высшей инстанции. Эта высшая инстанция (например, ЦК КПСС в Советской России), в свою очередь, рапортовала народу о «величественных свершениях», «валовом росте продукции», «победной поступи»... – и весь этот дремучий вздор, вся эта Ниагара туфты настолько успешно гипнотизировала публику, что та покорно сносила все тяготы своего полуничего существования.

Так, подобно круговороту воды в природе, происходил своеобразный круговорот туфты в обществе: «нижние инстанции» производителей туфты как-то незаметно для самих себя «забывали», что пропагандистская ложь отчётных докладов, производимых с высоких трибун съездов, все эти цифры, сводки, проценты, – состоит, в сущности, из их же собственных туфтоносных сводок и отчётов, адресованных непосредственному начальству. Психологически эта абберрация памяти объяснима вполне. Иначе откуда этим людям было бы черпать «чувство глубокого удовлетворения»? Всё происходило с железной закономерностью: начальство рапортовало народу в том же стиле, как и народ – начальству.

Здесь мы можем сделать первый обобщающий вывод: туфта – это вовсе не единичные «отступления» от правды. Такие вещи, как любовь к истине, верность взятым на себя обязательствам, трудовая этика и т.д. вообще не свойственны сложившемуся у нас типу социальных отношений. **Изготовление туфты есть систематическая социальная практика**, выгодная

огромному числу людей, и уже в силу этого она должна служить темой серьёзного исследования для социологов.

Что позволяет столь многим людям (вернее, вынуждает) пользоваться туфтой и заниматься туфтоделанием? Прежде всего, социальный строй данного общества; и в первую очередь – автократическая система власти. Хорошо известно, например, что обязанностью «слуг государевых» было не снабжать суверена истинной информацией, а – радовать его уши. В древних деспотиях кое-где было принято даже казнить гонца, принесшего дурную весть. Как тут не порадовать на туфтоносной ниве?.. При первой возможности это делал каждый, у кого хватало ума таким нехитрым способом заслужить милость властей предрежающих. Ещё при Екатерине II великий предтеча и классик отечественной туфтологии князь Потёмкин Таврический, чтобы порадовать на далёком пути государево око, соорудил свои знаменитые муляжи деревенских изб. (Да и современные потёмкины – так ли уж далеко от него ушли? К приезду высокого начальства ремонтируются именно те дороги и красятся фасады именно тех домов, мимо которых оно, предположительно, проследует. В одной из российских провинций к приезду президента Путина по указанию местной мэрии на дорогу положили новый асфальт прямо поверх канализационных люков... С точки зрения здравого смысла это абсурд, но с точки зрения туфтологии – вполне разумная акция. Туфта формирует свою наоборотную логику, согласно которой видимость неизмеримо важнее реальности.)

Туфта, практикуемая повсеместно, ежедневно и регулярно, не может не породить *системного эффекта*: она начинает выполнять определённую функциональную роль в самой структуре организации социума. Эта

роль – огромна. Достаточно лишь просто перечислить области жизни, где туфта непременно присутствует: пропаганда, философия, наука, образование, статистика, реклама, любые формы и виды отчётностей... И, конечно, идеология. Именно она преобразует средне-нормального индивида в идеальный туфтоприёмник. Удельный вес туфты в социальной системе есть прямой показатель степени её идеологизированности.

Лучшим, быть может, примером системной роли туфты в организованном обществе является официальная наука. Мы знаем множество примеров того, как наука, если она подчиняется интересам представителей «научных школ», начинает, рано или поздно, напоминать рыбу, пойманную героем повести Хемингуэя «Старик и море», объеденную в конце концов акулами. Подобным же образом в Советской России по целому ряду научных направлений туфта почти полностью съела науку, обглодав её до самых костей. Генетика тут далеко не единственный пример, но весьма показательный. Т. Лысенко, туфтодел *par excellence*, великолепно подходил для пропаганды «достижений народного хозяйства». Н. Вавилов занимался реальным делом, непригодным для нужд государственной пропаганды. Он и был уничтожен, к вящему торжеству лысенковской «научной школы». Физики оказались в лучшем положении. Но, если бы не нужда в атомной бомбе, талантливых физиков в Советской России ждала бы, вероятно, та же судьба, что и Н. Вавилова. Физика не случайно оказалась у нас, даже в самые тяжёлые времена, полем реальных открытий.

Это, однако, не означает, что жрецы точных наук абсолютно чужды искусству туфтоделания. В многочисленных НИИ, от Владивостока до Калининграда, огром-

ное множество научных сотрудников занимались именно изготовлением туфты, поскольку, в отличие от тяжких трудов на пути познания, туфтоделание гораздо легче и гораздо быстрее давало им доступ к получению научных степеней, должностей и высоких окладов.

Одно неудобство было у специалистов, занимающихся точными науками: необходимость представлять, рано или поздно, конкретный результат работы (в прикладных науках – особенно). Этого неудобства, к счастью, была лишена философия. Она долгое время состояла на официальной «государевой службе», сочетавшись законным браком с государственной идеологией, так что в этой области, конечно, туфтоделание расцвело самым махровым цветом. Гигантская армия государственных служащих, «работающих философами», долгие годы занималась довольно откровенным и, как правило, бездарным словоблудием. Именно здесь, в области гуманитарных наук, была создана великолепная *машина*, для которой топливом служила *мнимая, пустая* информация, – машина, пригодная для производства научных степеней и званий, но практически никак не связанная с реальными научными достижениями. Она целиком и полностью была построена на туфте.

Реально действующему учёному, как известно, гораздо трудней получить научную степень, чем ловкачу и пройдохе, освоившему технику диссертационного туфтоделания. Известно, что глубокая, эффективная научная мысль скорее помешает соискателю на его защите, чем поможет ему. Учёный совет по присвоению докторских и кандидатских степеней хорошо знает правила игры, состоящие в том, что «среднестатистический» соискатель НЕ претендует на эпохальное открытие, НЕ противоречит общеприня-

той в науке точке зрения, НЕ смеет демонстрировать на защите идеи, превосходящие интеллектуальный уровень членов учёного совета, и т.д. и т.п. Конформность, лояльность, «чувство стаи» – именно это нужно. А что касается *новизны исследований* – вот здесь-то и необходимо туфтологическое чутьё! Оно, как правило, демонстрируется и награждается.

Конечно, возникает законный вопрос: позвольте, но ведь не может общество жить на одной туфте! Кто-то же должен производить все те реальные блага жизни, благодаря которым мы физически существуем? Такие люди есть, и, надо сказать, в нашем обществе им не сладко живётся, несмотря на то, что существует оно, в основном, за их счёт. Однако преобладающей является другая тенденция: изготавливать *туфтовидный продукт*. Здесь эффект туфтодела предполагает хроническую неполноценность товара (определяемую хорошо знакомым у нас и родственным туфте словом *халтура*). Например, свеклоуборочный комбайн, когда он поступает в какой-нибудь сельхозкооператив, **сразу** проходит капитальный ремонт, без которого он просто не будет работать. Строятся эрзац-дома, эрзац-дороги, выпускаются эрзац-автомобили, которыми можно пользоваться лишь недолгое время и с большими неудобствами. Полки продуктовых магазинов переполнены эрзац-пищей, от которой просто некуда деться... А причина одна: мы потребляем не сам продукт, но – *видимость* продукта. Российский вариант изобилия... Шагнув навстречу идеалам «общества потребления», мы сделали себя обществом потребления туфты.

Серьёзной проблемой для общества является тот факт, что туфтоделание не ограничивается единичным фактом обмана. Сделавшись обычной социальной практи-

кой, оно глубоко проникает в культурный контекст эпохи, и в частности – в некоторые виды профессионального языка. Язык политики, к примеру, давно уже приспособился ко всем видам организованной лжи. Он претерпел такие метаморфозы, что гораздо лучше пригоден к выражению *видимости* истины, нежели к выражению самой истины. То же самое можно сказать о языке, которым пользуется огромное количество гуманитариев. Это – весьма специфический язык. Он принят в определённой корпоративной среде, и у него лишь одно назначение: выражать не мысль, а имитацию её, одновременно камуфлируя полное её отсутствие. Кто будет всерьёз доискиваться до какого-то смысла таких, например, словосочетаний, как: «данный подход позволяет проблематизировать напряжённое поле делового взаимодействия...», «этап закономерного развития народа...», «научно-креативная функция производства знания» и т.п.? Начальство в эту галиматью вникать не станет, но отнесётся с осторожным уважением к *труженику мысли*, способному подниматься до таких интеллектуальных высот... Специалист – подавно не станет. Ему-то зачем? Он и сам наплодил за свою жизнь достаточно этой наукообразной шелухи, он знает её цену, знает, для чего она пишется. Как порядочный человек, он не захочет толкать под руку туфтодела-коллегу, претендующего на свой законный кусок академического пирога.

Казалось бы, всё чудесно складывается. Но вот здесь оба персонажа – туфтодатель и туфтоприёмник – при всём том, что, казалось бы, они способны со здоровым цинизмом отнестись к подобной ситуации, вдруг оказываются в полной её власти, сами того не замечая! Совершается кардинальная метаморфоза: туфтодел, считая себя *субъек-*

там манипулирования, превращается в его объект. **Мнимая информационная среда**, которую он регулярно творит и в которую тем самым погружается, начинает возвратным образом действовать на его мысли, его психику, его привычный образ действий. Этот процесс, как мы упомянули выше, начинается с языка.

При всех своих вариантах, туфта везде и всюду есть разновидность организованной лжи. Проникновение организованной лжи в структуру языка – вещь гораздо более опасная, чем даже прямой, наносимый ею, ущерб. Рядовой туфтодатель едва ли подозревает об этом. Он, конечно, хорошо знает, что туфта (виртуальная данность) имеет всегда реальный результат: должность, зарплата, почёт, заграникомандировки... Но ему и в голову не приходит, что туфтоидный образ жизни, туфтоидный язык меняют его самого – причём необратимо. Ибо туфта, как бумеранг, возвращается к своему автору в виде искажённого сознания, которое теперь диктует ему и способ жизни, и само мировосприятие. Производящий мнимости индивид навечно переселяется в мир мнимостей... Он сам становится мнимостью.

Он превращается в *туфтоида*.

Это превращение означает потерю себя. Парадокс тут состоит в том, что туфта лишь по видимости имеет конкретного «производителя». На самом деле она, по существу, анонимна. Её успех предполагает персональное авторство; её разоблачение – полную неопределённость и безответственность. Её поэтому можно уподобить двуликому Янусу: с одной стороны, она предполагает героя в образе конкретного туфтодателя, осыпаемого наградами и благодарностями, с другой – Бобчинского, сваливающего вину на Добчинского. Превращение происходит мгновенно, в зави-

симости от ситуации. Причём это раздвоение не есть просто результат естественного стремления лжеца уйти от ответственности. Человек совершенно искренне теряет границу между ложью и правдой.

Теперь он – житель зазеркалья. Он обретает призрачное бытие. Превращая сначала в абсурд свой долг и свою профессию, он кончает тем, что превращает в абсурд свою жизнь.

Туфтоидность есть *ложь о себе самом*: человек как бы на всю остальную жизнь смиряется с тем, что он не может ни творить, ни мыслить, ни вообще взять на себя риск собственного существования: он, в конце концов, не может быть самим собой, дееспособным и самодостаточным, он в лучшем случае – тень ушедших в прошлое авторитетов, тень, отбрасываемая множеством теней. Туфтоидность есть растождествление себя. Туфтоид, привыкший имитировать всё и вся, приходит к тому, что утрачивает понятие о том, кто же есть он сам, вне ложного эха своих бесконечных имитаций.

Мы подошли к кардинальной проблеме туфтоидности: её воздействию на сознание. Основная истина здесь состоит в том, что имитация как образ жизни, как социальный системный феномен, не связанный никак с созиданием, – способна в то же время к *разрушению*. Этот эффект становится вполне очевидным тогда, когда туфтомания полностью овладевает сознанием человека.

Психологически это вполне объяснимо. Дело в том, что индивид поддаётся гипнозу собственной туфты надолго и всерьёз не только в силу потребности получать как можно больше благ, затрачивая как можно меньше усилий, и не только благодаря положительным эмоциям, сопровождающим этот процесс. Занимаясь туфтоделанием на профессиональном уровне (то есть выбрав

имитацию деятельности своим призванием), он тем не менее по-прежнему ощущает потребность к самоуважению, ибо оно принадлежит к числу важнейших условий психического комфорта для любого человека, кем бы он ни был. Но, находясь всё время в *поле ложной информации*, сотворённой его усилиями и усилиями его коллег, туфтодел вынужден находиться в постоянной связи с сотнями подобных же имитаций. Чтобы не потерять уважения к себе, у него остаётся единственный выход: воспринимать это всё как нечто реальное (реальную мысль, ценное достижение, нужное дело...).

Туфта начинается, как сознательный обман другого, а приводит она, рано или поздно, к *бессознательному самообману*. Подчинив себе сознание индивида, она делается чем-то значительно большим, чем подручным средством удовлетворения шкурного интереса. Смыслом жизни. Духовной ценностью. Панорамой восприятия мира...

В конце концов индивид становится страстным, искренним поборником собственной туфты. Эта трагикомическая ситуация (которую автору этих строк не раз доводилось наблюдать, беседуя с убеждёнными идеологами большевистского режима) имела место, конечно, и в среде корифеев «научных школ». Человек, принимающий видимость за истину, ищет (и находит) в ней логику, по-своему безупречную, правда, лишённую каких бы то ни было реальных оснований. Но для него это сущий пустяк, он никогда не будет принимать это во внимание, поскольку подобная логика даёт ему самое главное, самое желанное — *чувство правоты*, достигаемое, в сущности, тем же туфтоидным путём, что и все его прежние должности, степени, звания. Человек, перешагнувший этот психологический рубеж, становится **мнимой**

личностью, чья мнимость для него самого останется тайной до конца его дней.

Теперь туфта превращается для него в самодовлеющую ценность. Она замещает не только здравый смысл, но и нравственность. Туфта становится основанием мысли. Вся система рассуждений, самосознание, мировоззрение, понятия об истине, чести и долге, становясь виртуальными, призрачными, «проваливаются» в это ирреальное пространство, где, кроме простейших иллюзий, нет никаких других чудес.

Туфтоид настолько утрачивает императив нравственного инстинкта, что невольно у него вырабатывается этаким специфический стиль благодушия по отношению к самому бессовестному обману: мол, все так поступают, что в этом особенного? Что страшного? Мы так живём из года в год, — ничего, мир не рухнул... Когда туфта становится частью культуры (в России именно это и произошло), она уже ни для кого не тайна. В «скользких» ситуациях, которые не принято вслух обсуждать, туфтоиды значительно подмигивают друг другу: мол, что уж там говорить, это, безусловно, типичная туфта... мы всё прекрасно понимаем... ха-ха! — ну, и что из того? Все так делают. *Так устроен мир*. Не нам его менять!

Туфтоидное общество есть общество *подмигивающих друг другу* людей.

Сознание туфтоида переживает глубочайшую драму: оно необратимо теряет связь с естественными источниками жизни. Подобное состояние сознания было некогда предметом пристального внимания грузинского философа Мераба Мамардашвили. Вот что он писал по этому поводу: «Я имею в виду катастрофу антропологическую, т.е. перерождение каким-то рядом превращений человеческого сознания в сторону антимира теней и образов, кото-

рые в свою очередь тени не отбрасывают, перерождение в некоторое зазеркалье, составленное из имитаций жизни. И в этом самоимитирующем человеке исторический человек, может, конечно, себя не узнать. <...> Сначала мы умираем в букве, в знаке, а потом начинаем «жить» или имитировать жизнь. <...> Подобное квазисуществование, или зазеркальное существование, в котором мы не можем совершить акт мысли, связано с тем, что нарушены самые источники мысли, причём не по каким-либо цензурным запретам, а потому, что всё как бы уже выполнено. Любое движение души, только сейчас происходящее, уже обозначено, и мы ориентируемся лишь на знак знака или на кажимость кажимости...» [Мераб Мамардашвили. Как я понимаю философию. – М., 1992. – С. 146 – 152]. Это абсолютно справедливо. Имитация (любая) имеет дело только с тем, что «как бы уже выполнено»... Имитатор рано или поздно загоняет себя в глухой замкнутый лабиринт.

Этот капкан сознания – *антропологическая катастрофа* – может быть рассмотрен и с чисто информационной точки зрения. Дело в том, что на предельной стадии самотуфтирования человек полностью утрачивает критерий истинности информации; его заменяет чисто практический интерес. Вместо вопроса: «служит ли истине дело, которым я занимаюсь?» неявно звучит нечто иное (знакомое, родное, близкое), – «что я с этого буду иметь?». Открытый цинизм этого вопроса с течением времени как-то сам собою замещается тезисом: **истинно то, что полезно**. Именно этот поворот в критерии оценки, где истина и польза меняются местами и даже становятся синонимами, делает информацию явлением виртуального мира. Информация становится не результатом поиска, а средством манипулирования. В том случае, когда эта подмена

происходит на самом высоком уровне, т.е. когда туфта превращается в *управляющую* информацию, – в государстве происходят катастрофические события (крах экономики в результате дутых реформ, кризис власти, поражение в войне и т.д.).

Самый значительный эффект наступает тогда, когда туфтоделние становится способом жизни большинства людей в социуме. Здесь в игру вступают самые мощные его рычаги: идеология, пропаганда, агитация. Коллапс сознания грозит стать (как показывает История, действительно становится) массовым явлением. Социум превращается в «массу», для которой помешательство оказывается желанным и счастливым состоянием.

В благоприятной социальной среде туфта начинает вести себя как весенняя популяция саранчи: она шевелится и вспухает, приобретая способность к стремительному размножению и экспансии. В этом своём состоянии она способна проникать во все поры производственной, социальной и даже духовной жизни. Иногда она становится главным стержнем целой профессии, лишая её какого бы то ни было позитивного смысла. Например, следствие и суд в России в Новейшее время, под эгидой так называемого «телефонного права», уже давно превратились в опухолевидную туфтоидную ткань, где островки здравого смысла и гражданской совести стали едва ли не экзотической редкостью. В самом деле (давайте, соотечественники, подмигнём друг другу!), что проще: искать реального преступника, добывая доказательства, сопоставляя факты, проводя кропотливую, часто опасную для жизни оперативную работу, или подогнать факты под скороспелую «версию», добившись от случайного человека самооговора любыми средствами (забив и запытав его так, что бедолаге сама

жизнь станет не мила)? Ну конечно, здесь двух мнений быть не может... Если начисто исключить совесть и долг, разумеется. Но туфтоидная традиция именно их исключает в первую очередь.

Вот здесь-то и пора бы подумать: если общество в целом одобряет туфту, даже культивирует её, не значит ли это, что общество обречено?

Ориентированная на массу туфта на удивление эффективна. Любой индивид, из тех, кто составляет эту массу, мог бы, по слову поэта, сказать: «Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!». Сознание рядового туфтоида легко расстаётся с бременем поиска правды: идеологическая туфта даёт ему счастливую иллюзию обладания ею.

Любое идеологизированное общество, рано или поздно, становится обществом ложных сознаний. Ложное сознание готово принять всерьёз и навсегда любую подделку под реальность. Эволюции здесь нет. Сознание никак не растёт, но вечно лишь к чему-то приспособливается и что-то повторяет; бес водит его по кругу одних и тех же имитаций, по тому пути, где между лицом и личиной уже нет ни малейшего зазора.

Имитировать можно всё, что угодно: любовь, научное открытие, искусство, веру, демократию. Сама возможность столь широкого спектра имитирования основана на некоем негласном общественном договоре, где соблюдением правил игры всегда является *серьёзное, уважительное отношение к имитации*, бурные аплодисменты модельерам, сотворившим наряд голого короля. Наготу короля, равно как и наготу самой истины, не принято ни замечать, ни обсуждать.

Пространство ложной информации — это, прежде всего, духовное пространство. Его образуют мифологемы особого рода, чуждые какой бы то ни было связи с реаль-

ностью. Этим они отличаются, к примеру, от древних религиозных мифов, в основе которых всё-таки было влияние на человека реальных природных стихий. Но туфтоидная ментальность творит нечто совсем иное! Эти духовные псевдо-реальности мы вправе условно назвать *туфтологемами* (превосходство арийской расы у идеологов Третьего рейха, культ богини Разума в революционной Франции, «сияющие вершины коммунизма» советских времён — вполне подходящие здесь примеры).

Туфта — вещь инерционная. Она прочно въедается в массовое сознание, так что никакие реформы и социальные катаклизмы не могут её сразу уничтожить. Удивительное дело: Россия, как будто, коренным образом порвала с режимом, который культивировал туфту и существовал на туфте, но режим рухнул, а туфта осталась! И не только осталась, — она проникла в сферы, о которых даже страшно подумать, что они в принципе могли бы оказаться во власти этой виртуальной стихии. Например, мощь вооружённых сил, их способность защищать границы государства в случае масштабной агрессии извне... Легко ли представить себе, что «непобедимая и легендарная» состоит большей частью из деморализованных, физически и психически травмированных (дедовщина!) малообразованных людей, руководимых алкоголиками и бездарями? А уж слова «великая держава», «титовская нация», или что-нибудь вроде «удвоения валового продукта»... Демократия? И это, конечно (это — в первую очередь), туфта.

Самое поразительное в области организованной туфтологии — это то, что происходит сегодня у всех на глазах на ниве нашего отечественного образования. Грех заблуждаться: при «проклятом» тоталитарном режиме именно образование

(в точных науках особенно) было постоянно тем, чем мы имели право гордиться. И не только в точных... Студенты-гуманитарии, помимо учебников, были хорошо знакомы с лучшими образцами, по крайней мере, отечественных классических произведений искусства и литературы. Упорствующий в своей малограмотности ученик не мог получить переводного балла по русскому языку. Ныне грубые орфографические ошибки — не редкость даже в кандидатских диссертациях. Всё чаще попадают студенты, уверенные, что Чайковский написал музыку на стихи Евгения Онегина, а Русь крестил Святой Валентин. Дело уже доходит до того, что молодые учителя в начальных классах школ учат детей безграмотно писать... Однако мы не можем официально предъявить им претензии в профнепригодности. Потому что у каждого имеется оформленный по всем правилам *туфтоидный продукт*: диплом о высшем образовании, выданный официально в вузе Российской Федерации.

Куда ещё дальше?

Туфтой, страшно подумать, может стать и само государство (чего, кстати, не могло быть при советском режиме, как бы мы к нему ни относились). Масштабы туфты в нашей стране поистине невообразимы. Они не вмещаемы для нормального сознания.

К какому состоянию может прийти в конце концов общество туфтоидов?

В лучшем случае — к состоянию массового летаргического сна. Всеобщая туфтоизация страны однозначно творит энергетический упадок в социуме. Для любого человека отсутствие творческого напряжения рано или поздно оборачивается душевной вялостью и даже физической анемией. Становясь характеристикой *массы*, оно приводит к тотальной апатии. Пассионарий, случайно появившийся в этом болоте, либо

бежит прочь, либо бунтует и гибнет, либо спивается. Социальная апатия означает, в частности, что никакой гражданской активности, никакой вообще «самодеятельности» такое общество не терпит. Его бытие можно уподобить вялотекущему самоубийству: вместе с восприятием реальной жизни утрачивается и само желание жить.

Пусть это не покажется парадоксальным, но социальная апатия вовсе не приводит к тому, что в туфтоидном обществе гаснут конфликты! Туфтоид — психически уязвимое существо. Подсознательно он чувствует скуку и боль своего ничтожества, поэтому творческий порыв со стороны соседа он воспринимает почти как личную обиду. Ситуация тем более обостряется там, где он видит угрозу для успешного продолжения своей туфтоносной деятельности, — здесь он становится агрессивен и даже опасен. Этим, в частности, объясняется тот факт, что туфтоид-начальник инстинктивно ненавидит добросовестных, инициативных (тем более талантливых) работников.

Так, всеобщая туфтоизация приводит к математическому усреднению индивидов, результат которого лишь на долю единицы отличается от нуля.

* * *

Таким образом, мы видим, что за внешне легкомысленным, пальным, бросовым словечком «туфта» скрывается нечто весьма значительное, достойное усилий серьёзных исследователей. Над ним — далёкое, почти исчезнувшее, уже не замечаемое небо. Под ним — ледяной сквознячок инфернальной бездны. Заглянув туда лишь на мгновение и сразу же отшатнувшись (чур меня, чур!) мы призываем собратьев-культурологов быть мужественными и бдительными на пути к постижению этого грандиознейшего социального феномена.